

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката А., адвокатов С.А., С.Р., рассмотрев посредством видеоконференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 26 ноября 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020) и жалобе адвоката А. исх. № ... от 01 декабря 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020) в отношении адвоката С.А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и адвоката С.Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы)

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 марта 2021 года адвокат С.А.:

- нарушил пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании предложения заключить соглашение на его защиту;

- ненадлежащим образом, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашение об оказании юридической помощи или назначение защитником);

адвокат С.Р.:

- нарушил пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании предложения заключить соглашение на его защиту;

- ненадлежащим образом, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020

года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашение об оказании юридической помощи или назначение защитником).

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов С.А. и С.Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель и одновременно представитель заявителя М. - адвокат А. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила следующее. Со слов ее доверителя М., адвокаты С.А. и С.Р. представились ему как «добрые знакомые следователей». Он анализировал поведение адвокатов С.А. и С.Р. и пришел к выводу, что они действовали как «злой и добрый полицейские». Они склоняли его к заключению досудебного соглашения и разъясняли последствия такого процессуального механизма. Находясь в трудной жизненной ситуации и опасаясь за судьбу иных лиц, вовлечённых в расследование уголовного дела, М. принял решение отказаться от этих адвокатов. Именно она (адвокат А.) подсказала М. написать в заявлении об отказе от них о том, что претензий к адвокатам С.А. и С.Р. он не имеет. Для того, чтобы «зафиксировать» всю эту ситуацию, связанную с участием адвокатов С.А. и С.Р., она и М. приняли решение обратиться с жалобами в Адвокатскую палату города Москвы. Насколько ей известно, первый звонок Д. был от адвоката С.А., а не наоборот. Негативные последствия участия адвокатов С.А. и С.Р. она видит в том, что они ознакомились с «закрытыми» материалами уголовного дела. На данный момент каких-либо видимых и осязаемых негативных последствий участия адвокатов С.А. и С.Р. для М. и интересов его защиты не имеется. Д. готов дать объяснения Совету, если это будет признано необходимым. Ей, действительно, поступало сообщение от адвокатов С.А. и С.Р. о том, что они приняли поручение на защиту М. и встречались с ним. Они сообщили, что собираются пойти к доверителю в СИЗО и пригласили её пойти к нему вместе. Однако она не намеревалась вместе с ними идти к доверителю в СИЗО до тех пор, пока сама не удостоверится лично у доверителя в ходе индивидуальной встречи с ним относительно факта принятия новыми адвокатами поручения. И только после получения от доверителя согласия совместно участвовать с адвокатами С.А. и С.Р. в защите по уголовному делу она была бы готова к совместному общению. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвокатов С.А. и С.Р. она и М. оставляют на усмотрение Совета.

Адвокат С.А. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласен частично, только в части прекращения

дисциплинарного производства. Доводы о несогласии с выводами Заключения Квалификационной комиссии изложены в его совместных с адвокатом С.Р. письменных возражениях, которые он поддерживает в полном объеме. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил следующее. Он согласен с тем, что подписанного соглашения о защите М. у него нет. Оригинал соглашения ему не передали до настоящего времени. Вопрос о лице, обратившемся к нему за оказанием юридической помощи в М., первоначально не поднимался в Квалификационной комиссии, поэтому он это лицо и не называл. Инициатива Д., обратившегося к нему с этой просьбой, проявляется, по его мнению, в общей логике событий. Конкретных слов и выражений в смс-переписке между ним и Д., из которых бы следовало, что последний просит оказать юридическую помощь М., действительно, нет. Он не знает, в чем заключается причина отказа М. от них как от защитников. Деньги они не брали, в процессуальных действиях не участвовали и, тем более, не совершали каких-либо действий во вред М.

Адвокат С.Р. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласен частично, только в части прекращения дисциплинарного производства. Доводы о несогласии с выводами Заключения Квалификационной комиссии изложены в его совместных с адвокатом С.А. письменных возражениях, которые он поддерживает в полном объеме. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил следующее. Гражданин Д. обратился в августе 2020 года к адвокату С.А. с просьбой вступить в дело и принять защиту М. Непосредственно с Д. общался адвокат С.А. Впоследствии адвокат С.А. обратился к нему с просьбой принять вместе с ним участие в защите М. В заседании Квалификационной комиссии этот вопрос обсуждался. Просьба Д. была изложена в смс-переписке, которая приобщалась к материалам дисциплинарного производства. Встреча с М. у него и адвоката С. состоялась 01 сентября 2020 года. На этой встрече им стало известно, что на 10 сентября 2020 года назначено судебное заседание. Исходя из необходимости защиты интересов М., они приняли решение получить заявление от него об их вступлении в дело на руки, минуя спецчасть СИЗО. Впоследствии это заявление они передали следователю. Он не знает, в чем заключается причина отказа М. от них как от защитников. Негативных последствий от участия его и адвоката С. в деле нет и не может быть. В каких-либо процессуальных действиях они не участвовали. Интересам М. какой-либо ущерб не нанесен.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с её выводами соглашается частично и считает необходимым дать иную оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатами С.А. и С.Р. пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании

предложения заключить соглашение на его защиту. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

Так, установлено, что в производстве следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С. находилось уголовное дело № ..., возбужденное 14 января 2020 года следователем Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 109, п. «б», «г», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, по фактам обнаружения в квартире, расположенной в ... городском округе Московской области, трупа новорожденного ребенка, а также торговли новорожденными детьми.

С этим уголовным делом в одном производстве соединено уголовное дело № ..., возбужденное 07 июля 2020 года следователем Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ, по факту торговли С., М., Е., Ч., А., А., И., П., К., Б. и неустановленными лицами новорожденными детьми. Соединенному уголовному делу присвоен номер ... .

14 июля 2020 года М., А., И. и П. были задержаны по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, и в тот же день им было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3, ст. 127.1, ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

15 июля 2020 года Б. районным судом города Москвы в отношении А., И. и П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 14 сентября 2020 года.

16 июля 2020 года Б. районным судом города Москвы в отношении обвиняемого М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 14 сентября 2020 года.

Защиту обвиняемого М. на предварительном следствии осуществляла адвокат А., предъявившая ордер от 16 июля 2020 года № ... .

01 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. посетили обвиняемого М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. В ходе состоявшегося свидания указанными адвокатами от М. было получено рукописное заявление от 01 сентября 2020 года на имя следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С., в котором М. указал следующее: *«Прошу допустить к участию в уголовном деле в качестве моих защитников С.Р. [Имя адвоката указано неверно, следует читать Р. – примечание Совета] и С.А., с которыми у меня заключено соглашение».*

В ходе этого же свидания М. сообщил адвокатам С.А. и С.Р. контактные данные своего родственника Д. для обсуждения вопроса о заключении последним с указанными адвокатами соглашения на его (М.)

защиту. После чего, в этот же день адвокат С.А. созвонился с Д. по не установленному Квалификационной комиссией номеру телефона и, сообщив ему, что адвокатами С.А. и С.Р. получено согласие М. на вступление в уголовное дело в качестве его (М.) защитников, попросил сообщить телефонные номера следователя, в производстве которого находится уголовное дело, и адвоката А. В подтверждение достигнутой с М. договоренности адвокат С.А. направил Д. в мессенджере «WhatsApp» [сообщение отправлено контакту «М.» – примечание Совета] фотографию указанного выше заявления М. от 01 сентября 2020 года на имя следователя С. В ответном сообщении Д. послал адвокату С.А. телефонные номера следователя С., а на следующий день, 02 сентября 2020 года, в этом же чате мессенджера «WhatsApp» выслал фотографии страниц своего паспорта для оформления соглашения и сообщил номер своего телефона – 8-925-***-**-**.

Между адвокатами С.А. и С.Р. было заключено «Задание № 3» от 01 сентября 2020 года к ранее (02 марта 2020 года) заключённому между ними Соглашению об оказании юридической помощи. В соответствии с этим «Заданием № 3» адвокат С.Р. принял поручение на защиту М. по указанному выше уголовному делу. При этом в п. 1 «Задания № 3» от 01 сентября 2020 года указано, что оно заключается в соответствии с п. 2.4 Соглашения на защиту М., заключенного между Д. и адвокатом С.А. 01 сентября 2020 года, и с согласия М. и Д.

01 сентября 2020 года адвокатами С.А. и С.Р. были оформлены ордера на защиту М. с 01 сентября 2020 года на предварительном следствии в ГСУ СК РФ, после чего, 02 сентября 2020 года, адвокат С.А. передал следователю С. полученное ими в СИЗО заявление М. о вступлении в дело в качестве его защитников адвокатов С.А. и С.Р., а также ордера адвокатов.

02 сентября 2020 года адвокат С.А. зарегистрировал в делах адвокатского образования соглашение от 01 сентября 2020 года на оказание юридической помощи М., заключенное с Д., при этом Квалификационной комиссией установлено, что указанное Соглашение сторонами не подписывалось.

После вступления 02 сентября 2020 года адвокатов С.А. и С.Р. в уголовное дело в качестве защитников М. ими была проделана следующая работа:

- 04 сентября 2020 года адвокатом С.А. было получено разрешение следователя С. на свидание М. с Д.;
- 07 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. совместно посетили М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве;
- 07 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. ознакомились в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей;
- 08 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. вновь посетили М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, где передали последнему

фотокопии материала, обосновывающего ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей;

- 10 сентября 2020 года адвокат С.Р. принял участие в судебном заседании Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении М. срока содержания под стражей. В подготовительной части указанного судебного заседания М. отказался от защитников - адвокатов С.А. и С.Р., не предъявив к ним каких-либо претензий.

Рассматривая доводы жалоб М. и адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года прибыли к М. на свидание в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, в ходе которого, навязывая свои «услуги», сообщили о наличии у них «дополнительных» возможностей, о дружественном расположении к ним со стороны следствия, настаивали на заключении с ними соглашения на его (М.) защиту и на отказе М. от защитника – адвоката А., о которой сообщали недостоверную, негативную информацию, а также оказывали на М. психологическое давление в целях понуждения последнего к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, Совет отмечает, что, согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Приходя к выводу о том, что поведение адвокатов С.А. и С.Р. является навязыванием своей помощи М., Квалификационная комиссия исходила из того, что адвокаты не смогли убедительно объяснить, в связи с чем 01 сентября 2020 года они отправились на свидание к М. в следственный изолятор, давая различные объяснения по этому вопросу.

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии и напоминает, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований.

Применительно к настоящему дисциплинарному разбирательству обязанность опровержения позиции адвокатов С.А. и С.Р. возложена на заявителей - М. и адвоката А.

Давая объяснения о причинах посещения М. в следственном изоляторе 01 сентября 2020 года, адвокаты С.А. и С.Р. сообщили, что еще в августе 2020 года к адвокату С.А. обратился Д. с просьбой принять защиту по уголовному делу М. содержащегося под стражей. Заявители М. и адвокат А., со своей стороны, утверждают, что адвокаты С.А. и С.Р. явились к М. в

СИЗО 01 сентября 2020 года по собственной инициативе и лишь после встречи с ним обратились к Д. для заключения соглашения на защиту М.

Оценивая позиции участников дисциплинарного производства, Совет отмечает, что адвокаты С.А. и С.Р. действительно указали на Д. как на лицо, обратившееся к ним в августе 2020 года с просьбой об оказании юридической помощи М., только в заседании Квалификационной комиссии 03 марта 2021 года, в то время как в первоначальном письменном объяснении в Адвокатскую палату города Москвы они не указали, кто именно и когда к ним обратился с такой просьбой, и убедительных объяснений причин такого изменения своей позиции не представили. Совет также признаёт, что представленная в материалы дисциплинарного производства смс-переписка между адвокатом С.А. и лицом, обозначенным как «М.В.», не содержит доказательств того, что её ведёт Д. с целью пригласить адвоката С.А. принять защиту М. Однако сами по себе эти обстоятельства не свидетельствуют о недостоверности приведённого выше объяснения адвокатов С.А. и С.Р. причины посещения М. в следственном изоляторе 1 сентября 2020 года. Совет вновь напоминает, что бремя опровержения доводов адвокатов С.А. и С.Р. возлагается на заявителей – М. и адвоката А. В этой связи Совет обращает внимание на то, что заявителями не представлено каких-либо доказательств, подтверждающих выдвинутое ими дисциплинарное обвинение в указанной части и опровергающих объяснения адвокатов С.А. и С.Р. Не представлено заявителями и доказательств обмана и злоупотребления доверием М. со стороны адвокатов С.А. и С.Р. С ходатайствами, направленными на получение дополнительных доказательств или отложение рассмотрения дисциплинарного дела в целях самостоятельного представления дополнительных доказательств (например, объяснений Д. об обстоятельствах его переговоров с адвокатом С.А.), заявители в Квалификационную комиссию также не обращались.

Между тем, совокупность имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств не опровергает позицию адвокатов С.А. и С.Р. о причинах и обстоятельствах посещения ими М. 01 сентября 2020 года в следственном изоляторе.

Так, 01 сентября 2020 года, обвиняемый М. добровольно и собственноручно написал на имя следователя ГСУ СК РФ С. заявление о допуске адвокатов С.А. и С.Р. к участию в уголовном деле в качестве его защитников.

10 сентября 2020 года обвиняемый М. добровольно и собственноручно написал на имя следователя заявление об отказе от защитников – адвокатов С.А. и С.Р., указав в нём, что претензий к ним не имеет.

Совет обращает внимание и на то, что в период с 01 по 10 сентября 2020 года, когда адвокаты С.А. и С.Р. являлись защитниками обвиняемого М., с их стороны каких-либо действий, направленных на ухудшение положения М. (в том числе, склонения к признанию обвинения), не проводилось. Каких-либо доказательств причинения вреда интересам М. в результате участия адвокатов С.А. и С.Р. в уголовном деле в качестве его

защитников в материалах дисциплинарного производства не содержится. В то же время, в этих материалах имеется письмо М., адресованное Д., в котором он характеризует адвокатов С.А. и С.Р. исключительно положительно и выражает желание, чтобы они были его защитниками наряду с адвокатом А. Заявитель М. авторство этого письма не оспаривает.

Поведение адвокатов С.А. и С.Р., как до первого посещения М. в следственном изоляторе, так и после него, не подтверждает наличие у них противоправной цели вступления в уголовное дело в качестве защитников М. Получение от родственника обвиняемого М. – Д. копии паспорта с целью оформления соглашения об оказании юридической помощи, уведомление его о получении согласия М. на их участие в деле путем отправки фотографии указанного выше заявления М. следователю от 01.09.2020, активная переписка смс-сообщениями между адвокатом С.А. и Д. в мессенджере «WhatsApp», ознакомление в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей, и передача копий этих материалов доверителю М., посещение его 07 и 08 сентября 2020 года в следственном изоляторе для обсуждения защитительной позиции в связи с ходатайством следователя о продлении срока содержания под стражей, явка 10 сентября 2020 года для участия в судебном заседании Б. районного суда города Москвы - свидетельствует о намерении адвокатов С.А. и С.Р. оказать надлежащую юридическую помощь доверителю – обвиняемому М., а не о действиях вопреки его интересам и направленных к подрыву доверия.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что Квалификационная комиссия обоснованно не усмотрела в профессиональном поведении адвокатов С.А. и С.Р. использования ими связей с сотрудниками правоохранительных органов с целью заключения соглашения об оказании М. юридической помощи, однако необоснованно признала навязыванием ими такой помощи сам факт её предложения М. Совет приходит к выводу, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства дела, допустила ошибку в правовой оценке деяния адвокатов.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвокатов С.А. и С.Р. не опровергнутой в части, касающейся дисциплинарного обвинения в навязывании ими юридической помощи М., и вопреки Заклучению Квалификационной комиссии приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики.

Вместе с тем Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства не нашли подтверждения доводы жалоб о том, что адвокаты С.А. и С.Р. сообщали М. в ходе его посещений информацию о наличии у них «дополнительных» возможностей, о дружественном расположении к ним со стороны следствия, настаивали на отказе М. от защитника – адвоката А., о которой сообщали

недостоверную, негативную информацию, а также оказывали на М. психологическое давление в целях понуждения последнего к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

Совет отмечает, что заявители М. и адвокат А. доводы своих жалоб в указанной части какими-либо доказательствами не подтвердили, в то время как адвокатами С.А. и С.Р. представлена переписка в мессенджере «WhatsApp» между адвокатом С.Р. и адвокатом А., из которой усматривается, что 07 сентября 2020 года адвокат С.Р. уведомил адвоката А. о том, что адвокатами С.А. и С.Р. с М. достигнута договоренность об осуществлении защиты последнего и предлагал ей встретиться 08 сентября 2020 года в следственном изоляторе совместно с М. для обсуждения защитительной позиции. Адвокат А. подлинность этой переписки не отрицает.

Кроме того, как указано выше, адвокатами С.А. и С.Р. представлено собственноручное письмо М., адресованное Д. [*Письмо было написано М. 08 сентября 2020 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и передано адвокатам С.А. и С.Р. для передачи Д. – примечание Совета*], из которого также усматривается, что М. просит Д. связаться с адвокатом А. и убедить ее сотрудничать с адвокатами С.А. и С.Р. В своем письме М. также просит Д. сообщить адвокату А., что не собирается от нее отказываться.

Совет также отмечает, что из протокола судебного заседания Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания М. под стражей усматривается, что судом исследовались постановления следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С. от 21 августа 2020 года о возбуждении перед прокурором ходатайств о заключении с обвиняемыми Е. и Ч. досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, из расписки М. усматривается, что 10 сентября 2020 года он был ознакомлен с указанным материалом, вследствие чего не мог не знать, что обвиняемыми Е. и Ч. поданы ходатайства о заключении с ними досудебных соглашений о сотрудничестве. Перечисленные обстоятельства подтверждают доводы письменных объяснений адвокатов С.А. и С.Р. о том, что совместно с другими документами, содержащимися в материале, обосновывающем ходатайство следователя о продлении М. срока содержания под стражей, ими 08 сентября 2020 года были переданы М. и указанные постановления. Обсуждение М. в ходе конфиденциальной беседы с адвокатами С.А. и С.Р. 08 сентября 2020 года этих обстоятельств не может быть истолковано как оказание на него указанными адвокатами психологического воздействия в целях понуждения к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой заявителями презумпцию добросовестности адвокатов С.А. и С.Р. также и в

части указанных доводов жалоб и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Рассматривая доводы жалоб М. и адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. вступили в уголовное дело № ... в качестве защитников М. в отсутствие предусмотренных законом оснований, после чего неоднократно посетили последнего в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и ознакомились в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении М. срока содержания под стражей, Совет отмечает, что в силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

В силу положений ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Пунктом 2.1. «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов

Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) и доведенных до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<<https://fparf.ru>>), на сайтах многих адвокатских палат субъектов РФ, включая сайт Адвокатской палаты города Москвы (<<http://www.advokatymoscow.ru>>) предусмотрено, что «Основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования».

В соответствии с абз. 2 п. 3.2. «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордера адвокатам», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) ответственность за полное и правильное заполнение ордера и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер.

С учетом приведенных выше правовых положений в их взаимосвязи адвокат вправе вступить в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого) при наличии у адвоката заключенного соглашения на его защиту и ордера, выданного соответствующим адвокатским образованием. В случае заключения соглашения на защиту обвиняемого (подозреваемого) иным лицом адвокат, по общему правилу, может оформить в адвокатском образовании ордер и приступить к осуществлению защиты обвиняемого (подозреваемого), предварительно получив у него согласие на это.

Соблюдение адвокатом указанного порядка вступления в уголовное дело обусловлено также и тем, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому адвокат оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный (фидуциарный) характер, поскольку совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых, лично-доверительных отношениях сторон. Доверительность отношений между адвокатом и лицом, которому адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь, обусловлена тем, что в процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Как установлено Квалификационной комиссией, адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года в ходе конфиденциального общения с М. получили письменное согласие последнего на осуществление его защиты по уголовному делу на основании соглашения, после чего выписали ордера на защиту М., а уже 02 сентября 2020 года представили их следователю и вступили в указанное уголовное дело в качестве защитников М.

Доводы М. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года получили письменное согласие на осуществление его защиты по уголовному делу «путем обмана и злоупотребления доверием» Совет признаёт явно надуманными. При этом Совет учитывает, что по состоянию на 08 сентября 2020 года М. был «очень доволен работой адвокатов», о чем собственноручно написал своему родственнику Д., и лишь пообщавшись с

адвокатом А. 09 сентября 2020 года, М. изменил свое мнение относительно необходимости участия в уголовном деле в качестве его защитников адвокатов С.А. и С.Р.

Вместе с тем, вопреки доводам письменных объяснений адвокатов С.А. и С.Р., Совет признаёт установленным, что на момент вступления указанных адвокатов в уголовное дело у них отсутствовало законное основание для этого в виде заключённого соглашения на защиту М.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых между сторонами должно быть достигнуто соглашение.

Согласно п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи относятся также условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Квалификационной комиссией установлено, что только в своем письме от 08 сентября 2020 года М. сообщил Д., что адвокаты будут заключать с ним соглашение на защиту М. с 01 сентября 2020 года, и что «стоимость адвокатов» составляет ... рублей в месяц.

При таких обстоятельствах Совет не может согласиться с объяснениями адвокатов С.А. и С.Р. о том, что еще 01 сентября 2020 года Д. устно подтвердил все существенные условия соглашения на оказание юридической помощи М. и сказал, что можно считать, что соглашение «сегодня подписано».

Более того, и после получения 08 сентября 2020 года Д. письма от М. соглашение об оказании юридической помощи с адвокатами С.А. и С.Р. (или хотя бы с одним из них) им (Д.) так и не было подписано. Поэтому у Совета нет оснований считать, что соглашение на защиту М. было заключено Д. и после указанной даты хотя бы в устной форме.

Совет обращает внимание адвокатов С.А. и С.Р. на то, что в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной

палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета от 27 июня 2019 года, Протокол № 8) указано: «Адвокат – защитник обвиняемого (подозреваемого) вправе заключить соглашение на оказание юридической помощи этому же обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом. Заключение такого соглашения допускается, если в первоначальном соглашении содержится условие о согласии доверителя на привлечение к участию в защите другого адвоката и поименован адвокат, который может быть привлечен, либо когда обвиняемый (подозреваемый) дал предварительное письменное согласие своему защитнику на заключение им соглашения с другим адвокатом, как конкретным, так и по выбору самого защитника. При заключении соглашения об оказании юридической помощи между адвокатами должно быть достоверно установлено, что первоначальное соглашение с адвокатом не расторгнуто, а в самом соглашении имеется условие о возможности заключения аналогичного соглашения с привлекаемым адвокатом, либо от обвиняемого (подозреваемого) имеется предварительное письменное согласие на заключение его защитником соглашения с иным адвокатом. Адвокат-защитник после заключения соглашения об оказании юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом во всех случаях не вправе самоустраняться от осуществления защиты по уголовному делу».

Указанные разъяснения доведены до сведения адвокатов путем опубликования на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы, где доступны по ссылке: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, а также опубликованы в официальном издании Адвокатской палаты города Москвы – «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 2. С. 129).

Совет также отмечает, что у адвоката С.Р. по состоянию на 01 сентября 2020 года и позднее не имелось оснований принимать от адвоката С.А. поручение на защиту М. на предварительном следствии и оформлять с ним (адвокатом С.А.) задание № 3 от 01 сентября 2020 года к Соглашению об оказании юридической помощи от 02 марта 2020 года, поскольку для адвоката С.Р. являлось очевидным, что письменное соглашение на защиту М. у адвоката С.А. отсутствует. Кроме того, адвокат С.Р. не представил в материалы дисциплинарного производства предварительное письменное согласие М., выданное адвокату С.А. на заключение последним соглашения с адвокатом С.Р. на его (М.) защиту.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатами С.А. и С.Р. своих профессиональных обязанностей перед

доверителем М., что выразилось в их вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ... , находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитников М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

В части доводов жалобы адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. нарушают положения п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», поскольку позиционируют себя как сотрудники («члены команды») юридической группы "...", в то время как состоят в других адвокатских образованиях, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и отмечает, что приведенная норма Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит запрет на осуществление адвокатом своей деятельности сразу в нескольких адвокатских образованиях. Вместе с тем доказательств того, что «юридическая группа "...» является адвокатским образованием, адвокатом А. не представлено. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в указанной части подлежит прекращению.

Наконец, Совет не усматривает нарушений в неуказании адвокатами С.А. и С.Р. в оформленных ими ордерах на защиту М. реквизитов заключенных Соглашений, поскольку этот дефект в оформлении ордеров сам по себе не повлек за собой нарушения прав доверителя М. и, кроме того, в отсутствие самого соглашения об оказании юридической помощи не может рассматриваться как самостоятельное дисциплинарное нарушение.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С.А. за совершенный им проступок, Совет учитывает его грубый характер и отмечает явное несоответствие профессионального поведения адвоката этическим правилам, установленным при заключении соглашения об оказании юридической помощи. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат С.А. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение фактически признал, а его действия не повлекли за собой какого-либо вреда интересам заявителей. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С.А. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С.Р. за совершенный им проступок, Совет также учитывает его грубый характер и отмечает явное несоответствие профессионального поведения адвоката этическим правилам, установленным при заключении соглашения об оказании юридической помощи. Одновременно с этим, Совет принимает во внимание, что адвокат С.Р. ранее к дисциплинарной

ответственности также не привлекался, а его действия не повлекли за собой какого-либо вреда интересам заявителей. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С.Р. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату С.А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания** за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ... , находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

Применить к адвокату С.Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания** за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ... , находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката С.А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и адвоката С.Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе М. от 26 ноября 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020) и жалобе адвоката А. исх. № ... от 01 декабря 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков